

ӘДЕБИЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ RELEVANT ISSUES OF LITERATURE STUDY

Научная статья
УДК 82.091

<https://doi.org/10.31489/2025Ph2/162-171>

Получено: 11.11.2024
Принято: 13.04.2025

К.Б. Уразаева¹, Ж.М. Култанова^{2*}

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;

² Международный университет «Астана», Астана, Казахстан
(e-mail: urazyeva1008@gmail.com, timewise_2008@mail.ru)

Двоякая событийность и двоякая поэтика в «страшных» историях А.С. Пушкина. Готическое как объект пародирования

Статья посвящена проблеме готического, как объекта пародийного в поэтике А.С. Пушкина. На примере «страшных историй», а именно иронической лирики 30-х гг. – стихотворений «Гусар», «Утопленник», «Марко Якубович», «Вурдалак» – рассмотрены способы отхода поэта от западноевропейской романтической традиции. С позиции аксиологии православия, оказавшей влияние на картину мира, выявлены принципы образования двоякой поэтики о двоякой событийности. Синтез комической и драматической модальности, мотивы и образы простонародной мифологии и олитературивание сюжета позволили установить специфику реализма Пушкина и эволюцию представлений. Типология поэтики и сюжета исследована в аспекте героя-злодея и конфликта «своей» и «чужой» вер, концептов православия и онтологии веры как границы между воображаемым и реальным мирами. Использование методов рецептивной эстетики, архетипического, аксиологического, структурного анализа способствовало систематизации источников полифонической пародии, обоснованию связи сюжетно- и жанрообразования пушкинского текста. Двоякая поэтика и двоякая событийность определяются фольклорно-мифологической и литературной рецепцией, мистификацией «наивного читателя», активизацией воображения узнаваемыми образами, внушением автором понятий веры, милосердия и сострадания. В качестве приемов литературной и языковой игры установлены идиомы, речевой портрет рассказчика, простонародные представления о дьяволяде, пародирование книжного стиля. Приемы воздействия автора на читателя изучены в контексте нарратора. Сюжет сделки с дьяволом, признаки черного юмора Пушкина, риторика ужаса анализируются как проявления мира воображения и мира реального. Рассмотрение способов пародирования позволило дифференцировать в палитре писателя бытовые детали и комические ремарки автора. Карнавализация культуры показана через столкновение книжной дьяволяды как знака чужой культуры. Выработка Пушкиным реалистических методов обоснована как направленность на устно-поэтическую традицию и духовно-религиозную эстетику православия. Выделена роль стихотворений из цикла «Песни западных славян» как нового этапа реализма, связанного с появлением мистификации как проявления чужой культуры. Основной вывод проведенного исследования состоит в описании специфики русского реализма, одним из источников которого является религия с ее онтологией. Данное положение стало результатом изучения готического и пародийного в аспекте двоякой поэтики и двоякой событийности, развития лирического сюжета в лоне борьбы двух миров.

Ключевые слова: готическое, пародия, литературная игра, рецепция, русский реализм, ироническая лирика.

* Корреспондент-автор. e-mail: timewise_2008@mail.ru

Введение

Образцы готического в русской литературе явила стилизация замковой прозы в творчестве Н.М. Карамзина. «Бедная Лиза» и «Остров Борнгольм» с мистической атмосферой действительности, пророчества, тайны и загадки предвосхитили переводы В.А. Жуковским немецких и английских баллад, обозначив движение от сентиментализма к романтизму. Архаичный сюжет сделки с дьяволом, начиная с «Замка Отранто» Горация Уолпола, «Фауста» И.В. Гете, мистерии Дж. Г. Байрона «Каин» и «Потерянного рая» Дж. Мильтона, включая произведения М. Шелли «Франкенштейн», Анн Рэдклифф «Тайны Откормса» и «Итальянки, или лабиринта любви», сформировали своего рода канон, сосредоточенный на экзистенциальных вопросах, связанных с подсознанием человека. Постигание человеком собственного «я», своей и чужой свободы как преодоление страха перед настоящим и будущим получили развитие в «Сильфиде» В.Ф. Одоевского, «Портрете» Н.В. Гоголя, «Черном монахе» А.П. Чехова. Национальное своеобразие русского реализма, восходящее к А.С. Пушкину, состоит в осмыслении «страшного» и «ужасного» сквозь призму православия и народной веры. Духовно-православная аксиология противопоставила литературной игре с мистификациями в западно-европейской литературе пародирование и божественную онтологию в картине мира.

Актуальность темы обусловлена рассмотрением «страшных историй» в поэзии Пушкина с позиций связи готического и пародийного как одной из особенностей метода писателя, обусловившей переломный этап в движении русского реализма. Научная новизна предпринятого подхода состоит в обосновании тезиса: освобождение поэта от влияния западноевропейской традиции пролегалось по линии интерпретации мира и человека в духе религиозно-нравственных установлений. Отсюда сочетание комической модальности с драматической в духе простонародной мифологии и олитературивания сюжета. Подтверждением данного тезиса стали выбранные с позиций фольклорной и литературной рецепции, сюжета сделки с дьяволом, изображения героя-злодея объекты рассмотрения – ироническая лирика («Гусар», «Утопленник»), мистификация в духе народных баллад («Марко Якубович», «Вурдалак»).

Цель настоящей статьи состоит в описании готики и пародии как объекта изображения и художественной стратегии А.С. Пушкина. Задачи статьи могут быть сформулированы следующим образом: 1) охарактеризовать тип героя-злодея с позиции конфликта вер; 2) описать готические мотивы, образы и идеи в произведениях Пушкина и показать их связь с источниками и приемами пародирования – простонародной бытовой мифологией и суевериями, отражающими представления о потустороннем; 3) выявить роль концептов православия в создании картины мира и проведении границы между двумя мирами – воображаемым (условным) и реальным; 4) описать новаторство Пушкина как фактора национального своеобразия русского реализма.

Обзор литературы

В изучении готики плодотворными представляются труды, посвященные теоретическим и историко-литературным вопросам. Идущая от Карамзина роль для развития сюжета не только героя, но и автора – повествователя и героя-рассказчика [1; 290] отличает русскую готику от западноевропейской с ее преимущественным вниманием к дьяволиаде.

В области теории готического важна связь архаики и жанра – то, что входит в понятие «память жанра» М.М. Бахтина. Ученый обратил внимание на роль в готике архаики: «в жанре готики всегда сохраняются неумирающие элементы архаики» [2; 112]. По аналогии с бахтинским термином «память жанра» современный ученый предложил ввести понятие «память жанровой системы» [3; 10]. Отмеченное ученым преобладание балладного импульса открывает роль готического как литературную игру Пушкина со сложившейся жанровой формой. Другое направление, апеллирующее к фольклорной модели мира в цикле, представлено работами Э. Свенцицкой и О.С. Муравьевой. Так, Муравьева выявила литературные реминисценции в «Видении короля» – приемы готического романа [4; 149]. Выбрав направлением исследования единство цикла с позиций типа героя и общности бытийной ситуации, Э. Свенцицкая, пришла к выводу о «мире полной безвыходности» [5; 320].

В области онтологии готического актуализация мирового зла сфокусировала внимание исследователей на образе злодея, который по мнению В.Э. Вацуры обладает «дьявольской силой» [6]. Сюжет сделки с дьяволом стал основанием для выявления учеными трех компонентов архаичного сюжета – клятвы отдать душу за что-либо, исполнения желаний, неизбежной потери души. Жанровый и стилистический диапазон темы сопровождается индивидуальной интерпретацией авторов [7; 10].

В изучении готического в поэтике Пушкина выделяются несколько направлений, которые составляют представление о широком диапазоне его проявлений, от эстетики «легкого и веселого», по наблюдению В.Э. Вацура, осознанного противопоставления поэтическому нормативизму Пушкина [8; 422] до «черного юмора», в оценке Ф.А. Раскольников [9; 5]. Если Вацура подчеркнул, что подлинный поэт представляет собой артистическую натуру, вдохновенную духовной свободой и действующей инициативой [8; 423], то Раскольников в темах «черного юмора» выявил два плана – трагический и трагикомический [9; 6]. Речь идет о теме смерти как объекте осмеяния.

Природа готического в творчестве Пушкина исследована как игра с устаревшими мотивами и литературными конвенциями. Конфликт неотвратимости судьбы и загадочной природы человека, который сочетался с элементами мифологии и сверхъестественного, отличался от гиперболизации чувств персонажей. Автор противопоставил гиперболу и гротеск в описании пейзажа, мистификацию повседневной жизни и склонность героев к мелодраматическим эффектам и экзотике литературной моде. На эту особенность поэтики Пушкина обратили внимание на примере произведений, таких как «Медный всадник», «Вурдалак», «Гробовщик», «Утопленник», «Марко Якубович», Г.В. Аникин и Н.П. Михальская [10]. Ученые отметили, что элементы готики подчеркивают драматизм и интригу, позволяют манипулировать ожиданиями читателя, создавать уникальные сюжетные повороты.

Внимание ученых привлек роман «Евгений Онегин», в частности, сцена со сном Татьяны Лариной, подчеркивающим его темные и мистические аспекты и странные пугающие образы. Н.П. Жилина считает, что сон Татьяны скорее является «психологическим отражением ее внутренних конфликтов и страхов» [11; 32], объяснимых, скорее, волшебством русских Святых, чем типичным готическим мотивом [12; 35].

Проблема полифонизма готического в поэтике Пушкина поднята в связи с «Медным всадником». Получившее здесь воплощение «представление о современном быте как быте историческом, закономерном частном проявлении общего исторического движения», по мнению исследователя, нашло продолжение в «Пиковой даме» [13; 148]. Полифонизм готического «в сложной взаимосвязи – генетической, образно-фабульной, художественно-эстетической» линий [13; 149] на примере «Пиковой дамы», «Езерского» и «Медного всадника» подняла Н.Н. Петрунина. Решение задачи: «наметить общие контуры проблемы и обосновать продуктивность параллельного изучения двух «петербургских повестей» [13; 150] – открывает перспективность компаративного изучения. Из приведенных ученым текстовых переключек «Пиковой дамы» и «Медного всадника» в сферу готического входят описание мрачного пейзажа (дождя), а также оживающего лика неживого, уподобление природной стихии зверю. Это легенда о возникновении города, а также семейное предание об удивительном выигрыше, сюжет которых основан на понятии о чуде, о таинственных силах, сопутствующих человеку в его дерзком замысле. Ценным представляется и замечание ученого о воплощении темы возмездия в «Каменном госте», «Пиковой даме» и «Золотом петушке». Так отражается жанровое обновление мистического в русской литературе и богатство стратегий писателя.

Связь пародии со стилизацией как форма цитации стала основой для установления Ю.Н. Тыняновым двойственности как присутствия стилизуемого (пародируемого) и стилизующего (пародирующего) планов [14; 284]. Ученый обратил внимание на важность связанности с каким-либо исходным текстом в «пародийных» произведениях. Изучение пародии в поэтике Пушкина в контексте различий между евангельскими и пушкинскими историями позволило И.А. Есаулову показать влияние евангельских текстов на интерпретацию и восприятие сюжетов цикла «Повести Белкина» [15; 25]. Таким образом, предметом исследования в изучении готического и пародийного не становились вытеснение западноевропейского влияния под воздействием религиозно-духовных взглядов, конфликт чужой культуры с родной, что объясняет структуру двойственности не только в плане содержания, когда лирический сюжет раскрывается на границе двух миров, но и синтез комической модальности и дьяволиады как признак двоякой поэтики.

Материалы и методы

Материалы исследования

Материалами исследования стали произведения А.С. Пушкина («Гусар», «Утопленник», «Вурдалак» и цикл «Песни западных славян»), относящиеся к жанру «страшных» историй, а именно его ироническая лирика, содержащая элементы готического и пародийного. Для предпринятого исследования сохраняет актуальность мысль М.М. Бахтина о карнавальных мотивах как важной части готического жанра, а также жанровой обусловленности литературного фольклоризма у Д.Н. Медриш. Те-

ма предполагает обращение к онтологии готического в работах В.Э. Вацура. Представление о полифонизме готического построено на теории пародии Ю.Н. Тынянова и трудах И.А. Есаулова о влиянии пасхального кода. Литературная рецепция и бытовая мифология дифференцируют объекты и приемы пародирования готического, усиливая двоякую событийность лирики Пушкина. Такой подход позволяет выявить художественные открытия писателя в области русского реализма. Заявленный подход привел к использованию методов рецептивной эстетики, архетипического, лингвоконцептологического и структурного методов.

Процедура

Исследование проводилось в несколько этапов:

1. Сбор и систематизация материалов включают обзор трудов, актуальных для понимания готического, пародии в поэтике Пушкина, а также для выявления тенденций, способствующих обобщению подходов, позволяющих раскрыть проявления готического в произведениях, не становившихся объектом специального рассмотрения.

2. Рецептивная эстетика позволила выявить источники полифонизма и воздействие фольклорно-мифологической и литературной рецепции на стиль иронической лирики; архетипический анализ показал связь с библейскими сюжетами и образами; аксиологический и лингвоконцептологический анализы концептов православия направлены на описание сюжето- и жанрообразования пушкинского текста.

Анализ данных

На основе полученных результатов было выявлено:

1. Источники пародирования готического разграничивают применение писателем фольклорно-мифологической и литературной рецепции, обращению к образам и сюжетам простонародной мифологии и проповедь ценностей православия.

2. Полифонизм источников пародирования готического создает мистификацию и нарративную стратегию повествования, предполагающего «наивного читателя», узнаваемую фабулу и имплицитно – понятия веры, милосердия и сострадания. Отсюда двоякая событийность как конфликт мнимого и подлинного миров.

3. Способы пародирования готического определили специфику двоякой поэтики Пушкина.

4. Литературная игра характеризуется идиомами, речевым портретом рассказчика, введением в сюжет слухов и поверий о дьяволиаде, созданием inferнального пейзажа, бытовыми деталями и комическими ремарками, пародированием книжного стиля.

Результаты и обсуждение

Простонародная бытовая мифология определила в «страшных историях» Пушкина узнаваемые читателем и знатоком русского фольклора коллизии и детали, имитирующие популярные сказания и легенды. Фольклорная мистификация содержит расчет на наивного, простодушного читателя. Фабула явления смерти в образе хтонического образа определяет синтагматическую ось произведения. Но то, о чем «умалчивает» текст, а именно парадигматический смысл произведения, сконструирован идеей долга православного христианина и его поведения перед лицом нечистой силы. Игра готики и пародии, обращенная к темам жизни и смерти, борьбы мира посюстороннего и потустороннего, имеет характер карнавальная (М.М. Бахтин), гротескной игры. Она снижает и прозаизирует смерть.

В классической пушкиниане утвердилось понимание «легкого» и «веселого» как стратегии писателя, обеспечивающей целостность прочтения его поэтики [9; 3]. В современной науке трансляция понятия «черный юмор» на поэтику произведений «Послание Дельвигу», «Гробовщик», «Вурдалак» и «Утопленник» открывает в «легком» и «веселом» рецептивный слой, выходящий за рамки фольклорного мироощущения [9; 5]. Олитературивание сюжета обращает внимание на важность сочетания фольклорной и литературной рецепции как способов пародирования готического, что становится источником двоякой событийности и вместе с тем двоякой поэтики.

Основой народных представлений о нечистой силе обычно является сюжет сделки с дьяволом. Воспроизведение элементов ритуала, имитация народных быличек и рассказов усиливают внимание к фигуре нарратора и мнимой достоверности истории, произошедшей с ним. Стихотворение «Гусар» (1833) за счет фабулы лиро-эпического повествования, имплицитного упоминания дьявола характеризуется признаками баллады. Сюжет ночного преобразования Маруси – превращения в ведьму, мотив шабаша и сопровождающие дьявольский обряд атрибуты: склянки, зелье, воздействие, обряд венчания хтонических сил с «неверным» (*в мерзостной игре / Жиды с лягушкою венчают*) [16: 303] экс-

плицирует дьяволиаду в ее простонародном и вместе с тем мифологическом смысле. Важно обратить внимание на иерархию смыслов, порождаемых ассоциациями, которые вызывают в сознании простодушного читателя слова «чёрт» и «ведьма». Интересно, что семантическое тождество «врага» и «чёрта» (дьявола и ведьмы в бытовой мифологии) транслирует значения, связанные с представлением о вере. Аксиология православия представлена как в прямых оценках повествователя, в роли которого выступает бывалый казак: *вражий дух, басурманка*, так и олицетворении «чорта» как нечисти, одоление которой доказывает истинную веру христианина. Синтез экспликаций (*враг попутал видно, кой чорт*) и импликаций (*лукавый*) создает в стиле пародии аллюзивную прозрачность. Это идиомы, эвфемизм, воспроизводящие мифологический слой «страшной» истории. *Бывалый казак* становится прогностическим знаком успешного разрешения противостояния двух миров. Мистическое предзнаменование миронеустроенности: *на дворе шумела буря* – вводит в стиль литературную рецепцию, которая воспроизводит культурный ряд от баллад Жуковского до «Бесов», «Зимнего вечера», «Евгения Онегина» Пушкина. Картина торжества ночной стихии как пространства и времени буйства нечистой силы создает книжный стиль. Он корреспондирует с чувствами рассказчика: это патетическая верность долгу и верующего, и служивого офицера (*гусар присяжный*) одновременно. Трусость равноценна предательству и отступничеству перед противником: «*Или предался я врагу?*» [16; 301].

Юмор и пушкинская ирония формируют речевой портрет рассказчика. Особенно следует обратить внимание на сочетание в речевом портрете масок «гусара» и «бывалого казака». Гусары составляли легкую, мобильную и важную часть русского войска, конницы. «*Гусар*» стал источником символа, значения бесшабашной удалы, легкомысленного веселья, отчаянного молодечества, куража, ассоциировавшиеся в пирушках, в пору создания стихотворения в 1833 году, объект ностальгии автора по веселой юности. «*Бывалый казак*» также олицетворяет безрассудную смелость, отвагу. Схождение смыслов в легкость принятия решений, поведение казака, соответствующее представлению о гусаре, создают в итоге ироническую коннотацию в названии произведения. Гордость гусара, казака от чувства неподвластности дьявольскому искушению и соблазну в лице красивой вдовы (*видали виды*) определила завязку сюжета, сменив экспозицию с иллюзией, ожиданием гедонистического наслаждения: *Здесь человека берегут, // Как на турецкой перестрелке, // Насилу щей пустых дадут, // А уж не думай о горелке* [16; 300]. Сюжет шабаша становится сюжетом испытания веры, преданности догматам православия. Горделивая речь бывалого казака, мистическое преображение в ведьму вдовы предвосхищают «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. «Спрятав» онтологию веры в бесхитростную историю героя, не чуждого земных радостей, автор рефлексировал, введя аксиологический мотив веры.

Другим примером пародии Пушкина на готическую поэтику является стихотворение «Утопленник» (1828). Признаки «черного юмора» конструируются имитацией народных слухов и поверий о явлении нечистой силы. Синтагматическая фабула явления голого мертвеца, которому крестьянин отказал в христианском обряде погребения, не дав душе покойного успокоения, оборачивается историей невыполненного долга верующего. Вариации причин и обстоятельств смерти: *Горемыка ли несчастный // Погубил свой грешный дух, // Рыболов ли взят волнами, // Али хмельный молодец, // Аль ограбленный ворами // Недогадливый купец?* [17; 117] – создают вероятностный круг мотивов и утаенных историй, каждая из которых в одинаковой степени обязывала крестьянина предать земле утопленника. Реалии истории: страх перед возможной судебной тяжбой, наказания в связи с возможным обвинением в убийстве – объясняют страх героя и его поступок. Два суда: небесный и земной – оказались неравнозначными для простого крестьянина. Пародирование автором признаков пейзажа, портрета мертвеца, ежегодного его появления как возмездия и наказания за грех решены Пушкиным в стиле наивных народных страшных историй. Просторечная лексика, натуралистические детали, ужас, испытываемый мужиком, способствуют не только реконструкции автором наивного сознания героя, но и содержат имплицитно милосердие и сострадание к жертве мертвеца. Понятия греха и долга, мотивы возмездия и наказания выводят готическую поэтику в лоно бытовой мифологии и вместе с тем апеллируют к онтологии веры. История о том, что душа утопленника не может успокоиться, становится метафорой моральной ответственности и перекликается с традицией готической литературы. Стилистические приемы Пушкина, наивные повествования, народный язык создают эффект непосредственности и достоверности, позволяя читателю погрузиться в атмосферу страха и ужаса, испытываемых простым крестьянином.

Новый подход в освоении готической темы представляет цикл «Песни западных славян». Изучение данного цикла характеризуется рядом направлений. Во-первых, были исследованы источники цикла: сербский героический эпос, сборник Вука Караджича, два издания которого хранились в библиотеке поэта [18; 35], и «La Guzla» П. Мериме. Другой вопрос касается переводного и оригинального характера песен цикла. Считается, что две песни переведены Пушкиным с сербского, из сборника Вука Караджича. Эти переводы проанализированы А. Яцимирским и О. Беркопец. Пушкин изменил название сербской песни «Три највеће туге» («Три большие печали») на «Соловей». Это также история Карагеоргия («Песня о Георгии Черном»). Цикл Пушкина поднимает вопрос о литературной рецепции в готической поэтике. Неслучайно цикл «Песни западных славян» привлек внимание ученых двойной мистификацией — мистификацией Мериме и мистификацией Пушкина. Вместе с тем известна и точка зрения О.С. Муравьевой, которая обосновала взгляд на цикл как на самостоятельные поэтические произведения, а не перевод. Отсюда внимание к художественному содержанию и поэтической концепции действительности [4; 149].

Поэтика цикла Пушкина «Песни западных славян» с учетом религиозно-магических, фольклорных, ментально-этнических моделей воплощения и осмысления имени является объектом исследования Э.М. Афанасьевой [19; 35]. Анализ мотива имени как инструмента формирования модели мира привел ученого к постановке проблемы «сверхимени как сакрального ориентира, на фоне которого развиваются сюжеты остальных произведений» [19; 36].

Из всех стихотворений о вампирах, которые есть в «Гюсле», Пушкин выбрал два – «Марко Якубович» и «Вурдалак». Обращение Пушкина к циклу интересно мотивами дьяволиады как символами зла, искушения и разрушения. Если в русской литературе XIX века дьявольские образы часто служили средством критики социальных и моральных норм, то Пушкин использует сатирические приемы как инструмент для выявления абсурдности человеческой природы и пороков общества. Сатира и пародийный подход в текстах Пушкина воплотили взгляд поэта на психологию человека, где зло и добродетель сосуществуют в сложной взаимосвязи. В отличие от «Вурдалака», где объектом пародии становится имитация книжного стиля (*гложет, бледный, бедняк* в аксиологическом осмыслении, интонации мнимого сострадания и милосердия), в «Марко Якубовиче» имитируется стиль баллады. Отсюда тип нарративного повествования, акцентирующий внимание читателя на сюжете неузнанного вурдалака, воспроизведении бытующих в народной среде поверий. Однако здесь есть и момент православной аксиологии, ставший основой интерпретации дьяволиады. Для объяснения понадобится обращение к этимологии «*кулуер*» в балладе Пушкина. Это слово коррелирует с «*кулугер*». Этимологии слова «*кулугер*» и бытованию «*кулуер*» посвящена работа И.Г. Добродомова [20; 30]. Ученый привел следующие значения: «*кулугура степного*», прозвище староверов федосеевского согласия, проживавших в Казани и ее пределах; «*кулавер*» – раскольник (курск). Добродомов привел примеры из тюркских языков Сибири: *кулуһур* = *кулур* (алт.) «брань, ругань»; *кулһур* (тел., куманд., тар.) 1) «рабский»; 2) «негодяй, дрянной, худой» (ругат.). Современные двуязычные словари тюркских языков Восточной Сибири дают дополнительный материал: алт. *кулугур* «негодяй, дрянной, мерзавец»; хакас. диал. *хулгур* (= литер. *хылдыр*) бран. «негодяй: гадкий, дрянной»; тувин. *кулугур* «плут, плутовка; удалец, ухарь» [20; 32]. В ряду приведенных лексических единиц в рамках рассмотрения пушкинского текста выделим устойчивую народную традицию выводить это слово от греческого названия монаха – *калугер*, известного и русскому языку с XI в.: «*калогер*» – стар. «монах, инок, отшельник», «*калугурь*». И, наконец: «сербск. слово (*калуһер* «монах»), оставшееся непереуведенным у Пушкина (Песни западных славян «Марко Якубович»)» [20; 35]. Обращает внимание Добродомов и на то, что «слово *калуер* в стихотворении «Марко Якубович» представляет собой якобы оставшееся без перевода сербское слово, где *калуер* — «монах». Отсутствие у П. Мериме в оригинале *калугера* стало причиной предположения А.А. Илюшина о заимствовании термина *калуер* А.С. Пушкиным у Дж. Г. Байрона (*caloyer*). Добродомов настаивает на версии употребления Пушкиным редкой русской формы *калуер*.

Правомерность точки зрения И.Г. Добродомова подтверждают переводы А.С. Пушкиным поэзии Р. Саути, в связи с которыми в науке существует понятие испанского текста. В работе, посвященной стихотворению Пушкина «Родрик» [21; 305] установлено влияние на жанр перевода концептов и сюжетов православия, древнерусского жития, архетипической модели мироздания, ритмики и поэтики молитвословного стиха. Исследование А.М. Есентемировой поднимает перспективную проблему – изучение готического на основе противопоставления католического монаха православной мифологии и народным представлениям о чужой культуре с ее смертоносным началом. Поднятая в балладе тема

обращена к мотиву заблудшей души. Тип героя-злодея обладает в балладе «Марко Якубович», является источником мистики, тайны и ужаса, смерти. Позднее власть над душой навязчивых идей в образе Раскольников в «Преступлении и наказании», Шатова в «Бесах» и «стремление к идеалу заповеди Христа» [22; 4] отразили новый этап освоения религиозно-мифологической модели мира. Разрушительная утопия, которая таится в безднах бессознательного, намеченная пунктирно в балладе «Марко Якубович», обусловила на долгие годы традицию готического в русском символизме.

Стихотворение «Вурдалак» (1835) рассматривается традиционно в духе литературных мистификаций П. Мериме и сербского фольклора. О.С. Муравьева называет «Вурдалака» характерным образцом пушкинской пародии: автор «демонстрирует разные аспекты этого суеверия, то углубляясь в его таинственную иррациональную основу, то преломляя его под чисто рациональным, ироническим углом зрения» [4; 158]. Однако внимание исследователей не привлекали простонародная мифология и суеверия как источники пародийного. Между тем важно связать пародию с модной в русской прозе 1820-1830-х гг. фантастической повестью. Так, объектом пародии в стихотворении Пушкина «Вурдалак» являются типичный для «страшных историй» мотив (встреча с вурдалаком), образы нечисти (*красногубый вурдалак, упырь*), хронотоп (кладбище), ритуальные действия, создающие риторику ужаса и ожидания: *«Боже! Горе!»* [23; 410]. Следует отметить сюжетобразующую роль мотива поедания могильной земли с молитвой, поглощение костей мертвых нечистью. Риторику ужаса создают и типичные для готической поэтики клише-модусы: *«весь в поту, от страха бледный, бедняк, еле дышит, спотыкаясь, чуть бредет»* [23; 410]. История «трусоватого» Вани становится основой двух коллизий: устойчивого сюжета встречи с мертвецом на кладбище и дороги домой героя в состоянии ослепления от страха. Описанная ситуация вызывает ассоциацию с идиомой о страхе, застилающем глаза. Страх как плод воображения и фантазии героя, усиленный суевериями, приводит к сюжетному разрешению посредством реплики автора: *«Вы представьте Вани злость!»* [23; 410]. Осмеяние распространенных в народе суеверий строится на конфликте мира воображения и мира реального. Пушкин иронически трансформирует эти клише, снижая их пафос через бытовые детали и комические ремарки. К примеру, устрашающий образ вурдалака становится объектом насмешки, готическая атмосфера разрушается в угоду ироническому контексту. В моменты, когда персонажи реагируют на угрозу вурдалака, их реакции оказываются чрезмерно драматичными или неуместными, что усиливает контраст между страхом и реальной комичностью происходящего. Аналогичные примеры пародирования готического, снижения дьяволиады в духе простонародных представлений, вскрывающих «легкое» и «веселое» отношение народа к нечисти, автор представил в «Сказке о попе и работнике его Балде». Двойкая поэтика создается синтезом фольклорной и литературной рецепции, а именно рационального и мудрого мировидения, с одной стороны, призыва, обращения к небесным силам как комического вскрытия ложного страха. Синтагматический мотив мнимой встречи с покойником и парадигматический сюжет встречи с собакой, гложущей «ворча» кость, отражают в двойкой событийности подлинный смысл истории – о животворящей силе молитвы.

Выводы

Изучение готического в связи с пародией характеризует стратегию Пушкина, построенную на литературной игре. Двойкая событийность создается миром мнимого, воображаемого как результата суеверия и простонародных представлений о жизни и смерти, а с другой стороны, испытания веры. Двойкая событийность создается драматической книжной дьяволиадой, олицетворенной в типе героя-злодея, носителя чужой культуры. Тип героя-злодея способствует анализу имплицитного и эксплицитного как конфликта двух вер – католической и православной. Комическая модальность делает предметом иронии автора простонародную бытовую мифологию и суеверия. Влияние аксиологии православия на исход борьбы двух миров в сознании героя показывает освобождение от влияния западноевропейской рецепции романтизма и характеризует новаторство писателя в области национального своеобразия русского реализма. Изучение двойкой событийности показало полифонизм готического, обусловленный источниками и приемами пародирования. Фольклоризм Пушкина градируется по формам устно-поэтической и литературной рецепции.

Перспективы заявленной темы заключаются в историко-литературном рассмотрении пушкинской традиции двойкой событийности (фантастического реализма и мира воображения) и двойкой поэтики («корректируемой» аксиологией православия) в произведениях Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека», «Двойник», «Влас», «Мальчик у Христа на елке» и литературе русского символизма.

Список литературы

- 1 Трушкин А.П. Трансформация образа готического демона в романе В. Орлова «Альтист Данилов» / А.П. Трушкин О.Ю. Осмухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 2. — С. 289–293.
- 2 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — М.: Азбука, 2016. — 416 с.
- 3 Медриш Д.Н. Взаимодействие двух словесно-поэтических систем как междисциплинарная теоретическая проблема / Д.Н. Медриш // Русская лит-ра и фольклорная традиция. — Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. — С. 3–15.
- 4 Муравьева О.С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» / О.С. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т русс. лит. (Пушкинск. дом). Л.: Наука, 1983. — Т.11. — С. 149–163.
- 5 Свенцицкая Э. «Песни западных славян» Пушкина как художественное единство / Э. Свенцицкая // Вопросы литературы. — М.: Научный журнал критики и литературоведения. — 2001. — № 1. — С. 319–328.
- 6 Вацуру В.Э. Готический роман в России / В.Э. Вацуру. — М.: НЛЮ, 2002. — 544 с.
- 7 Михайлова И.М. Готические традиции в изображении романтического героя в русской литературе 20-х — 30-х гг. XIX века: / И.М. Михайлова — Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 2018. — 24 с.
- 8 Вацуру В.Э. А.С. Пушкин. Лицейские стихотворения 1813–1817 / В.Э. Вацуру. — СПб: Пушкинский дом, 1999. — С. 419–438.
- 9 Раскольников Ф.А. Сатира, юмор и ирония в творчестве Пушкина / Ф.А. Раскольников // Литературоведческий журнал. — 2005. — № 19. — С. 3–26.
- 10 Аникин Г.В. История английской литературы / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. — М.: Букинист, 2005. — 526 с.
- 11 Жилина Н.П. Сюжет прозрения в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н.П. Жилина — Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. — 2009. — № 2 (26). — С. 31–38.
- 12 Разумовская В.А. Русская мистика «Евгения Онегина» в современных европейских переводах: английские, немецкие и испанские параллели / В.А. Разумовская. — Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. — 2012. — № 2. — С. 33–40.
- 13 Петрунина Н.Н. Две «петербургские повести» Пушкина / Н.Н. Петрунина // Пушкин: Исследования и материалы. АН СССР. Ин-т русс. лит. (Пушкинск. дом). — Л.: Наука, 1982. — Т. 10. — С. 147–167.
- 14 Тынянов Ю.Н. О пародии / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1997. — С. 284–309.
- 15 Есаулов И.А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина. «Проблемы исторической поэтики» / И.А. Есаулов // Научный журнал. Издательство Петрозаводск. гос. ун-та. — 2012. — Т. 10. — С. 25–30.
- 16 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: [в 16 т.]. Гусар («Скребицей чистил он коня...») / А.С. Пушкин. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. — 1948. — С. 300–303.
- 17 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: [в 16 т.]. Утопленник: («Прибежали в избу дети...») / А.С. Пушкин. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки, 1948. — С. 117–119.
- 18 Гусев В.Е. Пушкин и Вук Караджич / В.Е. Гусев // Временник Пушкинской комиссии. — Вып. 24. — Ленинград: Наука, 1991. — С. 29–41.
- 19 Афанасьева Э.М. Поэтика цикла А.С. Пушкина «Песни западных славян» (к проблеме антологии имени) / Э.М. Афанасьева. — Нижний Новгород: Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 35–39.
- 20 Добродомов И.Г. Кулугур / И.Г. Добродомов; под ред. Ж.Ж. Варбот // Этимология 1996–1997. — М., 2000. — С. 30–39.
- 21 Уразаева К.Б. Художественный перевод как риторическая коммуникация. Поэзия «озерной школы» в русских переводах / К.Б. Уразаева, А.С. Петкова, А.М. Есентемирова // Исследования языка и современное гуманитарное знание. — 2022. — Том 4, № 1. — С. 31–43.
- 22 Касаткина Т.А. Художественная реальность слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.А. Касаткина. — М., 2002. — 22 с.
- 23 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: [в 16 т.]. Вурдалак: («Трусават был Ваня бедный...») / А.С. Пушкин. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки, 1948. — С. 410–411.

Қ.Б. Уразаева, Ж.М. Құлтанова

А.С. Пушкиннің «қорқынышты» хикаяларындағы қос оқиғалылық пен қос поэтика. Готикалық элемент — пародиялау нысаны ретінде

Мақалада А.С. Пушкиннің поэтикасында готикалық элементтің пародия нысаны ретіндегі орны, әсіресе «қорқынышты хикаялар» жанры шеңберінде қарастырылған. Зерттеу нысаны ретінде 1830

жылдардағы лирикасында кездесетін «Гусар», «Утопленник», «Марко Якубович», «Вурдалактар» сынды шығармалары алынып, автордың батысеуропалық романтизм қағидаларынан саналы түрде бастарту стратегиясы ашылды. Бұл поэтикалық бұрылыс православиелік дүниетанымның көркемдік ойлауға әсерімен және діни-метафизикалық координаталар шеңберінде қайта қалыптасқан сенім жүйесімен тығыз байланысты. Мәтіндердегі оқиғалық құрылымда қосарланған хронотоп, яғни нақты және иррационал әлемдердің қатар берілуі көркем тәсіл ретінде қызмет атқарады. Авторлық стиль комедиялық және драмалық модальділіктің қатар өрілуімен ерекшеленіп, мифопоэтикалық және әдеби кодтардың үйлесімі арқылы пародиялық эффект туғызады. Пушкин поэзиясындағы православиелік концепт адам мен тағдыр, сенім мен күмән арасындағы күрделі қарым-қатынастарды айқындауға бағытталған. Типологиялық талдау негізінде қаһарман бейнесі, сюжет құрылымы, архетиптік мотивтер мен эсхатологиялық бағдарлар жүйеленеді. Сонымен қатар, мәтіндік интертекстуалдылық, риторикалық стратегиялар және дәстүрлі хикаялық құрылымдардың бұзылуы арқылы постромантикалық поэтика қалыптасады. Бұл тәсілдер Пушкиннің православиелік фольклорлық кодтарды жаңғыртуына және оларды әдеби ойынның элементі ретінде қолдануына мүмкіндік береді. Пушкин қол жеткізген готикалық пародия қорқыныш, ессіздік, белгісіздік және әзілдің синтезі арқылы көркемдік кеңістікті тереңдетеді. Карнавалдық мәдени кодтар мен поэтикалық ойын православиелік реализммен тоғыса отырып, жаңа поэтикалық мазмұн тудырады. Авторлар готикалық дискурсты ұлттық дүниетаныммен ұштастырып, поэтикалық экспрессияның жаңаша моделін ұсынады.

Кілт сөздер: готикалық, пародия, әдеби ойын, шешім, орыс реализмі, ирониялы лирика.

K.B. Urazayeva, Zh.M. Kultanova

Dual eventfulness and dual poetics in A.S. Pushkin's "scary" stories. The Gothic as an object of parody

The article examines the role of the Gothic as parody in A.S. Pushkin's poetics, particularly within the "terrifying stories" genre. Through works like "Hussar", "The Drowned Man", "Marko Yakubovich", and "The Wurdalak", the study highlights Pushkin's departure from Western European Romanticism and his engagement with Orthodox Christian cosmology. The concept of dual eventfulness is emphasized, reflecting a narrative structure that merges the real and the irrational. Pushkin blends comedic and dramatic modes with mythopoetic and literary codes, creating a complex, ironic style. Typological analysis reveals conflicts between hero and fate, the transformation of belief, and the role of religious imagination. The parody draws on Orthodox folklore and theological discourse, using rhetorical strategies and intertextual links. Motifs of fear, madness, and humor form a distinctive Gothic parody, enriched by carnival imagery and symbolic reversals. These elements enable a multilayered narrative space where tradition and disbelief interact. Pushkin reinterprets the Gothic through Orthodox realism and literary play, producing an aesthetic of both spiritual depth and formal innovation. Ultimately, his Gothic texts construct a poetic landscape where canonical forms are reshaped through parody, irony, and faith-infused symbolism.

Keywords: Gothic, parody, literary play, reception, Russian realism, ironic lyrics.

References

- 1 Trushkina, A.P., & Osmukhina, O.Ju. (2021). Transformatsiia obraza goticheskogo demona v romane V. Orlova «Altist Danilov» [Transformation of the image of a Gothic demon in V. Orlov's novel "Violist Danilov"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki — Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 14(2), 289–293 [in Russian].
- 2 Bakhtin, M.M. (2016). *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]*. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 3 Medrish, D.N. (1983). Vzaimodeistvie dvukh slovesno-poeticheskikh sistem kak mezhdisciplinarnaia teoreticheskaia problema [Interaction of Two Verbal and Poetic Systems As an Interdisciplinary Theoretical Problem]. *Russkaia literatura i folklornaia traditsiia — Russian literature and folklornaia tradition*. Volgograd: Volkogradskii Gosudarsvennyi Pedagogicheskii Institut imeni A.S. Serafimovicha [in Russian].
- 4 Murav'eva, O.S. (1983). Iz nabliudeniia nad «Pesniami zapadnykh slavian» [From observations on the "Songs of the Western Slavs"]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy — Pushkin: Research and Materials*, 11, 149–163. Akademiia Nauk SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom). Leningrad: Nauka [in Russian].
- 5 Svencickaja, Je. (2001). «Pesni zapadnykh slavian» Pushkina kak khudozhestvennoe edinstvo ["Songs of Western Slavs" by Pushkin As an Artistic Unity]. *Voprosy literatury — Questions of Literature*, 1, 319–328. Moscow: Nauchnyi zhurnal kritiki i literaturovedeniia [in Russian].
- 6 Vacuro, V.Je. (2002). *Goticheskii roman v Rossii [Gothic novel in Russia]*. Moscow: NLO [in Russian].
- 7 Mikhailova, I.M. (2018). Goticheskie traditsii v izobrazhenii romanticheskogo gerioia v russkoi literature 20–30-kh gg. XIX veka [Gothic traditions in the depiction of a romantic hero in Russian literature of the 20s–30s of the XIX century]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Petrozavodsk [in Russian].

- 8 Vacuro, V.Je. (1999). *A.S. Pushkin. Litseiskie stikhotvoreniia 1813–1817 [A.S. Pushkin. Lyceum poems 1813–1817]*. Saint Petersburg: Pushkinskii dom [in Russian].
- 9 Raskol'nikov, F.A. (2005). Satira, iumor i ironiia v tvorchestve Pushkina [Satire, Humor and Irony in Pushkin's Works]. *Literaturovedcheskii zhurnal — Literary studies journal*, 19, 3–26 [in Russian].
- 10 Anikin, G.V., & Mihal'skaja, N.P. (2005). *Istoriia angliiskoi literatury [History of English Literature]*. Moscow: Bukinist [in Russian].
- 11 Zhilina, N.P. (2009). Siuzhet prozreniia v romane A.S. Pushkina «Evgenii Onegin» [The Plot of Epiphany in A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin"]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A.S. Pushkina. Serii Filologiya — Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series Philology*, 2 (26), 31–38 [in Russian].
- 12 Razumovskaja, V.A. (2012). Russkaia mistika «Evgeniia Onegina» v sovremennykh evropeiskikh perevodakh: angliiskie, nemetskie i ispanskiie paralleli [The Russian Mysticism of "Eugene Onegin" in Modern European Translations: English, German and Spanish Parallels]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Voprosy obrazovaniia: yazyki i spetsialnost — Bulletin of the People's Friendship University of Russia: Educational issues: languages and specialization series*, 2, 33–40 [in Russian].
- 13 Petrunina, N.N. (1982). Dve «peterburgskie povesti» Pushkina [Two "Petersburg Stories"]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy — Pushkin: Research and Materials*, 10, 147–167. Akademii Nauk SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom). Leningrad: Nauka [in Russian].
- 14 Tynjanov, Yu.N. (1997). O parodii [About Parody]. *Poetika. Istoriia literatury. Kino — Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow: Izdatelstvo Nauka [in Russian].
- 15 Esaulov, I.A. (2012). O sokrovennom smysle Stantsionnogo smotritelia» A.S. Pushkina. «Problemy istoricheskoi poetiki» [About the Innermost Meaning of "The Station Master" by A.S. Pushkin. "Problems of historical poetics"]. *Nauchnyi zhurnal — Scientific journal*, 10, 25–30. Izdatelstvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 16 Pushkin, A.S. (1937–1959). *Polnoe sobranie sochinenii: [v 16 tomakh]. Gusar («Skrebniitsei chistil on konia...»)* [The Complete Works. Hussar: ("He was cleaning his horse with a hair comb...")]. (Vols. 1–16). Vol. 3. Book 1. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [in Russian].
- 17 Pushkin, A.S. (1937–1959). *Polnoe sobranie sochinenii: [v 16 tomakh]. Utoplennik: («Pribezhal v izbu deti...»)* [The Complete Works. Drowned: ("Children ran into the hut...")]. (Vols. 1–16). Vol. 3. Book 1. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR [in Russian].
- 18 Gusev, V.E. (1991). Pushkin i Vuk Karadzhich [Pushkin and Vuk Karadzhich]. *Vremennik Pushkinskoi komissii — Temporary employee of the Pushkin Commission*, 24, 29–41. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 19 Afanas'eva, Je.M. (2011). Poetika tsikla A.S. Pushkina «Pesni zapadnykh slavian» (k probleme antologii imeni) [Poetics of Pushkin's cycle of "Songs of Western Slavs" (To the problem of the anthology of the name)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo — Bulletin of Nizhegorodsk University named after N.I. Lobachevsky*, 6 (2), 35–39 [in Russian].
- 20 Dobrodomov, I.G. (2000). Kulugur [Kulugur]. Zh.Zh. Varbot (Ed.). *Etimologiya — Etymology*, 30–39. Moscow [in Russian].
- 21 Urazayeva, K.B., Petkova, A.S., & Yessentemirova, A.M. (2022). Khudozhestvennyi perevod kak ritoricheskaia kommunikatsiia. Poeziia «ozernoi shkoly» v russkikh perevodakh [Literary translation as rhetorical communication. Poetry of the "Lake School" in Russian translations]. *Issledovaniia yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie — Language studies and modern humanities*, 4 (1), 31–43 [in Russian].
- 22 Kasatkina, T.A. (2002). Khudozhestvennaia realnost slova: Ontologichnost slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova «realizma v vysshem smysle» [The artistic reality of the word: The ontology of the word in the work of F.M. Dostoevsky as the basis of "realism in the highest sense"]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 23 Pushkin, A.S. (1937–1959). *Polnoe sobranie sochinenii: [v 16 tomakh]. Wurdalak: («Trusovat byl Vanya bedny...»)* [The Complete Works Ghoul. Wurdalak: ("Poor Vanya was a coward")]. (Vols. 1–16). Vol. 3. Book 1. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR [in Russian].

Information about the authors

Urazayeva, K.B. — Doctor, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: urazayeva1008@gmail.com

Kultanova, Zh.M. — Candidate of PhD, Senior Teacher, Astana International University, Astana, Kazakhstan; e-mail: timewise_2008@mail.ru